

Его можно сравнить со снайпером, умеющим точно выбрать цель и вовремя нажать спусковой крючок. Я имею в виду способность Полякова в нужный момент сказать именно о том, что особенно остро волнует общество. Чего это стоило писателю в не столь отдаленные времена, как удавалось пробивать стену идеологических запретов — тема особая, как, впрочем, и вопрос о его отношениях с критикой, периодически бросающей упреки в конъюнктурность, легковесность. Находясь в столь «интересном» положении между молотом не очень доброжелательной критики и наковальней военно-партийной цензуры, писатель сделал ставку на «третью

— Юрий Михайлович, как вы пришли к мысли построить «Демгородок» — в ходе тщательного анализа ситуации в стране, моделирования возможных вариантов развития событий или же это результат предвидения, творческого озарения?

— «Демгородок» я начал писать в августе 91-го, а последняя редакция для отдельного издания после публикации в восьмой книжке журнала «Смена» пришла как раз на конец сентября — начало октября 93-го. Почему это антиутопия? Почему это книга о военном перевороте в России? Да потому, что второй раз за одно столетие мы крикнули нашей действительно не шибко скачущей птице-тройке: «Ах ты, волчья сыть! Травяной мешок!» — и снова погнались по смертоносным ухабам навстречу приснопамятным великим потрясениям!

Весь 93-й год я активно печатал публицистику — в «Комсомольской правде», «Собеседнике», «Правде», «Неделе», «Веке», «России»... Я неоднократно высказывался в том смысле, что бывает два типа переворота — для изменения существующей власти и для ее же укрепления. И неоднократно говорил в статьях и интервью, что мы идем ко второму типу переворота. Так и произошло. Сегодня мы имеем режим, который я бы назвал — демократия с кулаками. Благо это для России или погибель, покажет будущее.

— Но в вашей повести демократы потерпели поражение, а верх одержали военные...

— Приход к власти военных в ближайшее время мне всегда казался нереальным, ибо наши военные привыкли считать пломбы во рту политиков и на самостоятельные акции неспособны.

— Но, может быть, это и к лучшему?

— Возможно. Однако в «Демгородке» я решил смоделировать средствами литературы эту нереальную ситуацию. Чем нереальнее — тем интереснее для художника. Конечно, мой антигерой адмирал Рык, Избавитель Отечества — И. О. — фигура странноватая и страшноватая. Достаточно напомнить о его «пунктах оперативного правосудия», о несколько обогороженных концлагерях под названием «демгородки», куда со всей страны свезены «врагоугодники» и «отчизнопродавцы». Но И. О. угадал главное: социальный мир в России может наступить лишь в том случае, если тот, кто хочет жить при социализме, сможет жить при социализме, а тот, кто хочет жить при капитализме, сможет жить при капитализме. На первый взгляд, звучит диковато, но это так. Россия всегда была многоукладной страной. Да и каждый отдельный человек в юности может быть коммунистическим террористом, в зрелости — оборотистым бизнесменом, а в старости — христианским альтруистом. И тут

нужно гибчайшее жизнеустройство!

Адмирал Рык начал социальное примирение с того, что ввел в качестве обязательного обращения граждан друг к другу — «господарищ». Вот у него ума хватило. А мы поделились на красно-коричневых и демократов, а потом принялись садить прямой наводкой из пушек по

собственному парламенту. Впрочем, повернись иначе, те же пушки долбили бы по президентской резиденции. Но суть не в том, а в способе разрешения социального конфликта, уже однажды приведшем Россию к страшной резне. Могло ли в этот раз быть по-другому — не знаю. Вспомните в того же Якунина или в его двойника из противоположного лагеря, находящегося ныне в Лефортове, — именно поэтому я не хочу называть его имя. Так вот, у них одинаковое выражение глаз — безжалостное.

— Читатели привыкли однозначно воспринимать вас как писателя, условно говоря, демократической ориентации. В новой повести от автора одинаково достается и «патриотам», и «демократам». Это связано с изменением ваших взглядов?

— Прежде всего мне дико само противопоставление патриотизма и демократии. Об абсурдности, губительности для общества такого противопоставления очень точно сказал Солженицын. Действительно, почему человек, мечтающий о народоправии, не должен любить свое Отечество?

— Любопытно, что чуть ли не один и тот же отрывок из «Демгородка» опубликовали «Московский комсомолец» и «День» — газеты, находящиеся на совершенно противоположных позициях.

— Знаете, на самом деле мы сегодня наблюдаем продолжение «семейного, давнего спора», уходящего корнями в глубь российской истории, а «демократы» и «патриоты» — это условные обозначения вроде «Алой и Белой розы». Есть, правда, любопытный момент: в начале века коммунистическая идеология была в арсенале «демократов», ныне — в арсенале значительной части «патриотов». Что это: извив политической борьбы или

силу» — на читателя. И не ошибся. Я имею в виду резонанс, который вызвали повести «Сто дней до приказа» — о неуставных отношениях в армии, «ЧП районного масштаба» — о неуставных (или уставных?) отношениях в среде партийно-комсомольской номенклатуры. Успехом пользовались и снятые по ним фильмы. Не прошли незамеченными и другие работы Полякова — «Апофегей», «Парижская любовь Кости Гуманкова». И вот очередное, на удивление своевременное попадание. И почти в яблочко: антиутопия «Демгородок», где речь идет о государственном перевороте, напечатана прямо накануне сентябрьско-октябрьских событий, потрясших страну.

логика истории?..

А что до изменения взглядов, то, по-моему, изменились, а точнее сказать, самораскрылись как раз многие из тех, кто именует себя демократами, отказавшись от всех своих первоначальных лозунгов. Увы, многие из демократов пошли чисто большевистским путем, когда для достижения власти все средства хороши,

БИТВА ЗА ГАЕЧНЫЙ КЛЮЧ

Труд. - 1993. - 27 нояб. - с. 7

Кто в ней одержит верх, тот и будет «закручивать гайки» в стране,

считает писатель Юрий Поляков

а за реформами — человека не видно. Я, конечно, за прошедшие годы тоже сильно изменился, но только не в этом: я остался в отношении к своему Отечеству патриотом, а в отношении к его государственно-политическому устройству — демократом. Вот почему мне во многом активно не нравится проект новой Конституции, которая может превратить страну по сути в конституционную монархию.

— И все-таки я хотел бы продолжить тему творческой эволюции. В «Демгородке», конечно же, узнается тот Поляков, которого мы помним по прошлым повестям в «Юности» — те же ирония, динамичность развития сюжета, пристальное внимание к социальным проблемам. Но есть и нечто новое: это уже не сугубо реалистическое повествование, а антиутопия, фантастика, «воспоминание о будущем», причем о будущем, которое, как и положено в антиутопии, трудно назвать светлым. В ваших прошлых вещах, несмотря на жесткость оценок того или иного героя или явления, чувствовалась вера автора в возможность преодоления того, что мешает жить нормально, в конечном торжество добра и справедливости. В «Демгородке» ваш взгляд на общественную ситуацию стал, как мне показалось, более объемным, диалектичным, но и более безылюзорным и, если угодно, пессимистичным. Прямо по Екклесиасту: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»...

— В нашем обществе слишком многое изменилось, и писатель, если он живет литературой, а не играет в нее, чувствует драматизм происходящего и, значит, передает в своих книгах. Что до меня, то я в августе 91-го пережил очень сильный, даже не творческий, а нравственно-мировоззренческий кризис. Именно тогда я окончательно понял, что, борясь с нелепым

и неэффективным жизнеустройством «развитого социализма», мы нанесли сокрушительный удар по нашей государственности, чего делать нельзя было ни при каких обстоятельствах.

В самом деле, мои прежние вещи — «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Апофегей», так трудно шедшие к читателю, были, несмотря на их разоблачительный пафос, оптимистичны по своему внутреннему настрою. Мнилось: стоит только отказаться от лживой идеологии и командного администрирования — и мы будем жить совсем по-другому! А многим писателям — мне в их числе — казалось: только дайте крикнуть, что король голый, — и в королевстве наступит эпоха процветания и справедливости. Дали. Крикнули. Оборались... А король все так же гол, только раньше все вокруг уверяли, будто на нем кумачовое платье, а

свобода человека заключается в том, чтобы почуять эти силы и постараться жить с ними в согласии. Кстати, это одна из ведущих тем романа, над которым я сейчас работаю и право на который у меня уже приобрело французское издательство «Ашет». Что же касается выздоровления общества, то на общегосударственном уровне оно начнется с закручивания гаек: слишком уж разболталась государственная конструкция — ветерком шатает. Да ведь и все события, начиная с августа 91-го, были не что иное, как битва за гаечный ключ, за то, кто персонально будет подтягивать гайки. А особенность России — история показала — заключается в том, что гайки в ней закручивает тот же, кто их, борясь за власть, отпустил. Так было до 1917 года и сразу после него. Так произошло и на этот раз. Посмотрите, кто сейчас

теперь уверяют — бело-синее красное. Увы, все мы стали заложниками того социально-правового инфантилизма, в котором пребывали в результате семидесятилетней идеологической обработки, корни которой, впрочем, уходят гораздо глубже.

Между прочим, именно в 91-м я опубликовал повесть «Парижская любовь Кости Гуманкова». И критика — а она вообще недолюбливает внегрупповых писателей — объявила, что Поляков испугался острых тем и ударился в сопливое бытописание. А просто мне было интересно разгребать грязь, когда другие боялись испачкаться штиблетами, а когда все по команде с удовольствием плюхнулись в грязевые ванны, мне захотелось взглянуть на «советизм» не как на «социально-нравственного монстра», а как на часть моей жизни, не такую уж безрадостную, между прочим. А «советизм», как и все на свете, имеет и злые, и светлые стороны. При социализме люди угрюмо-добры. При капитализме — жизнеутраченно-безжалостны. Правно, не знаю, что лучше.

— В ваших произведениях человек, как правило, жертва обстоятельств. Таковы и «Парижская любовь» Кости Гуманова, и даже супермен-ассенизатор Мишка из «Демгородка» — люди не самые сильные, активные, сопротивляющиеся внешним силам. Но социальная система оказывается все-таки сильнее их. Вопрос: надежда на наше выздоровление, а она-таки чувствуется, несмотря на все разговоры о пессимизме, вы связываете с чем? И вообще как вам видятся наши перспективы?

— Каждым человеком правят некие тайные силы. Называйте их как хотите — провидением, обстоятельствами, законами истории, ангелами-хранителями... И

гаю на возвращение религиозного сознания. Верующий человек — истинная опора государства. Кстати, и социализм держался, пока большая часть народа верила в него.

Думаю, не последнюю роль во всех процессах сыграл и российский культурный, традиционный оказывающий огромное влияние на общество. Заметьте, театры и концертные залы снова полны, а прилавки, заставленные «Счастливыми проститутками» и «Космическими фаллосами», все реже привлекают внимание прохожих. Издатели, которые делают ставку на пропаганду и выпуск отечественной литературы, в конечном счете озолютятся.

— Юрий Михайлович, побойтесь Бога! Современную русскую литературу никто, кроме, конечно, французского издательства «Ашет», издавать в обозримом будущем не будет. Это просто не выгодно.

— Уверен, можно и нужно сделать так, чтобы это было выгодно. Во всем мире людям хочется читать о себе, о своей стране, о своих проблемах. На нашем российском материале можно написать и отнять десятки таких «Санта-Барбар», что улицы будут пустеть в часы показа. Почему этого не происходит? Почему вместо этого крутят одиозные «мыльные оперы» и третьесортные западные фильмы? Об этом мне давно хочется спросить наших телеуправляющих. Например, моего коллегу по литературному цеху г-на Попцова.

— Политизация общества, наверное, больше всего заметна в творческой среде. Это, на ваш взгляд, во благо литературы или во вред?

— По-моему, главная беда многих писателей заключается в том, что они остаются верны принципу партийности. Только теперь они «служат не одной», а разным партиям, но суть-то не меняется. Лично мне такие литераторы абсолютно не интересны, ибо я заранее знаю, что они напишут в данный момент, колеблясь вместе с линией своей партии. Меня даже не удивили письма некоторых литераторов, призывавших власть к жестким мерам. Но одна психологическая деталь: именно эти подписанты всего два-три года назад громче всех возмущались стукачами от литературы, погубившими в свое время О. Мандельштама, А. Веселого, И. Бабеля, П. Васильева...

Мне кажется, сегодня читателям интересен тот, кто, не играя в политические игры, пытается мучительно и честно разобраться в происходящем, старается понять всех, как бы это трудно ни было. Можно много ругать социалистический реализм, но уже тот факт, что десятки литературных школ и сотни писателей кормятся тем, что пародируют, ернически перелицовывают, высмеивают его, говорит о том, что это была по-настоящему грандиозная система, где уживались А. Твардовский и А. Софроньев, Б. Пастернак и С. Бабаевский. А реальность нынешнего литературного процесса достаточно печальна: мы за эти годы относительной свободы слова не сказали о жизни и со- той части того, что удалось сказать нашим предшественникам в условиях жестокого идеологического контроля. И это один из тех парадоксов, которыми так богата наша жизнь.

Вел беседу
Александр НЕВЕРОВ.
Фото Николая ПРИВАЛОВА.